

ДЖЕННИФЕР УОРФ

ПОСРЕДИ ЖИЗНИ

*От автора экранизированного
бestsеллера «Вызовите акушерку»*

«Эта книга — о ценности жизни, сколько бы ее ни осталось».

ТАТЬЯНА ДРУБИЧ, актриса,
попечитель Благотворительного фонда «Вера»

Дженнифер Уорф

Посреди жизни

Издательство "Livebook/Гаятри"

2010

УДК 82-94
ББК 84 (4)

Уорф Д.

Посреди жизни / Д. Уорф — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
2010

ISBN 978-5-907056-72-5

С начала 1950-х годов и в течение 20 следующих лет Дженнифер Уорф (1935–2011) работала медсестрой в Лондоне. На исходе жизни она написала мемуары о самоотверженных коллегах и простых жителях Лондона. Ее книги стали важными документами эпохи и покорили читателей своей глубиной и искренностью. «Посреди жизни» – воспоминания Уорф о работе с пациентами, чье время неумолимо подходит к концу. Это невероятные по силе эмоций, полные любви, сострадания и жажды жизни истории о самой Дженнифер, о людях, за которыми она ухаживала, и об их близких. Многолетний опыт и точные наблюдения Уорф – ценный источник знаний о медицине того времени и удивительная возможность задуматься о самом важном в своей жизни и жизни близких людей. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94
ББК 84 (4)

ISBN 978-5-907056-72-5

© Уорф Д., 2010
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2010

Содержание

Отзывы о книге «Посреди жизни»	6
Посреди жизни в смерти пребываем[2]	7
Предисловие	8
1956. Естественная смерть	9
1953. Неестественная смерть	12
Жизнь спасена	16
Не получается умереть	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дженнифер Уорф

Посреди жизни

*Посвящается Лидии, Даниэлю, Элинор и всему их поколению.
Они – будущее*

*В моем начале мой конец...
В моем конце мое начало...¹*

T. C. Элиот

Jennifer Worth, SRN, SCM
IN THE MIDST OF LIFE

Clinical Editor David Hackett, MD, FRCP, FESC
Consultant Cardiologist

Медицинский редактор: Дэвид Хекетт, доктор медицины, кардиолог, медицинский консультант

*Опубликовано с разрешения Rachel Mills Literary Ltd.
Впервые опубликовано в 2010 году Weidenfeld & Nicolson, Великобритания*

В оформлении обложки использованы фото Everett Collection и Elzbieta Sekowska, предоставленные Shutterstock.

© Дженнифер Уорф, 2010
© Ирины Тихонова-Борсат, перевод на русский язык, 2020
© Livebook Publishing Ltd, 2020

Отзывы о книге «Посреди жизни»

«Никогда не думал, что для меня будет важен текст об умирании. Но эта книга меняет жизнь к лучшему».

Мэтью Пэррис, The Times

«В этой книге Дженнифер делится своим опытом, своими наблюдениями с переднего края сестринской помощи. Почему мы готовы их принять? Потому что мы видим, что автор полон сострадания, и понимаем важнейшую цель книги: напомнить нам, что не всегда человеку, находящемуся при смерти, нужны сложные медицинские процедуры».

Lady

«Дженнифер Уорф прямо говорит о табу, окружающих смерть и умирание. Ее истории полны трагизма, порой их даже тяжело читать, но в них всегда есть понимание того, что именно нужно больным».

Nursing Standard

«Возможно, эта ее книга заставляет задуматься даже больше, чем другие. Уорф поднимает сложные вопросы, которые помогают читателю пристальнее и серьезнее взглянуть на смерть».

The Church of England Newspaper

«Честный, трогательный и поучительный текст, который рассказал мне многое, о чем я не знала. Или, может быть, не хотела глубоко задумываться. Прочсть эту вдохновляющую книгу – большая удача».

The Woman Writer

Посреди жизни в смерти пребываем²

Эта книга рассказывает о святости и таинстве смерти.

О ее тайне и красоте, об одиночестве и надеждах.

О страхе умирания и неспособности совладать с этим страхом.

Эта книга о том, как мы умираем. Наверное, мало кто видел, как приходит и уходит Ангел Смерти.

Это книга о смысле жизни, ее формах, очертаниях, замысле.

О том, что все это однажды кончится.

О том, как я сама старалась это понять.

С самого детства я размышляла над загадками смерти. Я думала о смертях, увиденных в больницах, о страхах и надеждах людей, которых я встречала.

Это книга о том, что в час смерти нам нужны мир и тишина.

Она допускает, что смерть не всегда заклятый враг: иногда смерть может быть и другом.

Она поднимает мучительные вопросы о реанимации и законе.

Она говорит о том, что пора возродить благоговение перед лицом смерти.

Это книга о смиренном принятии.

Это рассказ о духовной природе смерти – о Боге, если хотите, или Аллахе, или Кришне, или Иегове, или Брахме, о Носящем одно из тысяч имен, данных тому, чего мы не можем постичь.

Или всего-навсего об эволюции, случайности и биохимии.

На самом деле, неважно, что мы об этом думаем и во что верим.

Смерть приходит за каждым из нас.

Как, когда и где мы умрем – всегда дело случая.

Мы хотели бы управлять этим случаем, но у нас не получается.

Впрочем, неужели кто-нибудь ожидал иного?

Дженнифер Уорф

² *Media vita in morte sumus* – знаменитый григорианский хорал XIV века. – *Примеч. ред.*

Предисловие

Пятьдесят лет я обдумывала эту книгу и четыре года ее писала. Говорят, самые лучшие сыры и вина созревают медленно. Будем надеяться, что это верно и для книг!

Прежде всего эта книга основана на моем профессиональном опыте и его осмыслении. Когда в 1950-х годах я начинала работать медсестрой, так называемая современная медицина только-только зарождалась. О, что это было за время! Мне было всего восемнадцать, но я видела, что каждое новое достижение фармакологии и хирургии прямо на моих глазах превращает принятие смерти в ее отрицание.

Только тот, кто видел смерть, может говорить о ней по существу. Мне выпала честь принадлежать к тому поколению медсестер, от которых еще требовалось быть рядом с умирающими. Именно о понимании, полученном благодаря этому бесценному опыту, и рассказывает эта книга.

Я перестала работать медсестрой в 1973 году. И хотя некоторые давние случаи, которые я описываю здесь, принадлежат уже только истории медицины, моральные и этические проблемы остаются такими же. К тому же, как видно из более поздних историй, о медицине и сестринском уходе мне все равно постоянно приходится задумываться: есть профессиональная литература, есть рассказы друзей и родственников, есть собственные наблюдения. Чтобы эта книга соответствовала клиническому опыту XXI века, я обратилась к трем профессионалам, и в написанных ими приложениях говорится уже о современной медицинской практике. Эти профессионалы – консультант-кардиолог Дэвид Хекетт, преподаватель и медсестра паллиативной помощи Мадлен Басс и сотрудница скорой помощи Луиза Массен. Их тексты приводятся в конце книги. Читатели, интересующиеся профильными публикациями, официальными отчетами и современными инструкциями, могут также воспользоваться списком литературы. Однако следует помнить, что документы постоянно меняются и новые материалы добавляются почти ежемесячно.

*Дженнифер Уорф,
сентябрь 2010*

1956. Естественная смерть

Моего дедушки не стало в 1956 году, ему было восемьдесят шесть. Я была очень к нему привязана. Своего отца я почти не видела – ни во время войны, ни после. А поскольку каждой девочке в жизни нужен мужчина, дедушка охотно исполнял эту роль. Я до сих пор дорожу Библией, которую он подарил мне на двадцать первый день рождения, незадолго до своей смерти. Это книга с бесхитростной нежной надписью, тщательно выведенной дрожащей, непривычной к письму рукой. Дедушка едва успел освоить грамоту: ему пришлось бросить школу в одиннадцать лет, чтобы начать работать на складе стройматериалов. Вот что значило родиться в 1870 году и быть старшим из тринадцати детей – тогда каждый ребенок из простой рабочей семьи должен был трудиться с самого детства. В пятнадцать лет он, скрыв свой возраст, вступил в армию – «чтобы хотя бы одному из братьев могли достаться мои ботинки», как он говорил много лет спустя. В нем были тихая простота и мудрость, которые сильно повлияли на мое детство, а значит, и на всю мою жизнь.

До сих пор помню, как он был добр ко мне, когда я была ребенком. Как мы с ним подолгу гуляли на природе, как он показывал и называл птиц, деревья и цветы. Как мы ходили копать картошку к нему на участок – дедушка сажал меня в тачку, толкал ее, а я кричала: «Быстрее, быстрее!» Помню, как я помогала ему чистить ботинки, мыть окна, приводить в порядок садовый сарай и печную решетку, даже колоть дрова и класть уголь в печку. А еще я помню, как он старел.

Это происходило постепенно, шаг за шагом. Сперва тачка: сколько бы я ни кричала, дедушка не мог катить ее быстрее. А потом и вовсе говорил: «Я старею. Вылезай, побегай, твои ноги моложе моих».

Со временем я становилась старше и сильнее, а дедушка – старше и слабее. Прошло несколько лет, и уже я толкала тачку. Вскоре и копать картофель ему стало тяжело, так что золотисто-белые шары выкапывала опять-таки я.

Мне всегда говорили, что дедушка плохо слышит, но я не замечала этого, пока была маленькой. Просто продолжала болтать: ведь мне казалось, что он всегда меня понимает.

Однажды я заметила, что у деда с носа свисает капля. «Почему у тебя капает из носа?» – бесцеремонно спросила я. «Не будьте нахалкой, мелкая мадам», – парировал он, вынимая платок и утирая виновника.

Помню, с каким интересом я в раннем детстве наблюдала за его кожей. Если ее оттянуть и отпустить, она очень медленно возвращалась на место. Я проделывала то же самое со своей кожей, но там все происходило мгновенно. «Так и должно быть, – успокаивал дедушка. – Когда ты будешь старенькой, как я, кожа у тебя тоже станет такой, как у меня». – «Я никогда не буду старой!» – завопила я с полной убежденностью и помчалась по садовой дорожке к дедушкиному сараю, полному самых разных чудес.

Мне рассказывали, что бабушка умерла в 1943 году от инфаркта. Когда она умирала, рядом были мама и дедушка. Мама говорила, что в последние полчаса дедушка держал бабушку на руках, нежно целуя и поглаживая ее лицо. Она умерла, как жила, под покровом его любви, и после ее смерти дедушка жил один. У них было восемь детей. Четыре дочери, в том числе моя мама, постоянно заботились о нем.

Постепенно ему стало сложно следить за чистотой. Помню, как мама сетовала: «Папа живет в грязи. Я нашла две пары грязных трусов в глубине его ящика».

Со временем я поняла, что изменился и его запах. Раньше, думая о дедушке, я всегда представляла себе чудесный запах земли, листьев и прокуренной старой куртки. Но и это стало другим. Позже я поняла: запах изменился из-за мочи. Нет, у него не было никакого особого

недержания – просто у большинства мужчин в этом возрасте есть проблемы с простатой. Все происходило постепенно и практически незаметно, запах ни у кого не вызывал отвращения.

Две его дочери владели небольшой кондитерской. Сперва после бабушкиной смерти они позволили дедушке помогать там: ему было приятно общаться с покупателями, ну и, как говорили мои тети, «все-таки ему есть чем заняться». Но через несколько лет ему нельзя было доверить даже считать сдачу, и, что хуже всего, он не замечал, когда у него капало из носа. В результате пришлось мягко отстранить деда от дел. Конечно, он скучал, но кротко соглашался: «Сейчас я действительно постарел. Ваш черед, молодые».

Дедушка был ветераном англо-бурской войны (1898–1902), и ему предложили место в Королевском госпитале в Челси³. Он отказался и решил остаться с нами – со своей семьей. Я всегда буду благодарна ему за это решение: если бы он согласился на пансионат, мое взросление происходило бы совершенно по-другому.

Время от времени к деду приходил доктор. Собственно, никакого лечения не нужно было, но по зиме дед становился, как тогда говорили, слабогрудым. Поэтому врач прописывал ему микстуру от кашля, которая, скорее всего, никак не действовала. И говорил маме: «Все нормально. Ваш отец вполне здоров. Он просто стареет, ему уже давно за семьдесят. Еще немножко поскрипит, а потом сойдет на нет».

В те времена врачи еще признавали, что люди могут умирать просто от старости.

«Ему пора перестать курить трубку», – возмущалась тетя. «Да пусть курит, – отвечал доктор, – если ему нравится».

Долгие годы мой дед курил трубку из корня вереска. Он набивал ее крепчайшим черным табаком под названием «твист», который самостоятельно нарезал перочинным ножом. До сих пор помню, как он увлеченно набивал свою трубку, зажигал бумажный жгут, подносил его к трубке и затягивался изо всех сил, чтобы ее раскурить. Было много дыма, шел едкий запах – и мне до сих пор нравится, как пахнут курильщики трубок! Да, доктор был прав: дедушка наслаждался курением, и это точно не причиняло ему вреда, пока тетя не обнаружила, что он прожег большую дыру в своей постели. С тех пор считалось, что ему можно курить только в присутствии дочерей. Боюсь, он не слушался.

«Он почти не ест! Я приготовлю такой вкусный обед, а он только поклюет, и все!» – сетовала одна из моих тетушек. И доктор посоветовал добавить в ежедневный рацион пинту крепкого пива. Кажется, дед на этом и жил, по вечерам еще съедая миску молока с размоченным хлебом. Не помню, назначалось ли ему еще какое-нибудь лечение, чтобы поддержать дряхлеющие силы.

Потом в семье случилась настоящая беда. Погиб дедушкин старший сын. Ему было всего сорок. Помню, как дедушка плакал на похоронах: «Почему не я? Я свое отжил. Я хочу только быть в могиле рядом с любимой женой. А у моего сына было ради чего жить!»

Старая, дед казался все меньше и меньше. И дело было не только в том, что я росла и становилась выше. Когда-то он был статным гвардейцем, шести с лишним футов, а теперь он уменьшился на несколько дюймов, и мы стали одного роста. Его военная выправка превращалась в сутулость, а уверенный шаг – в старческое шарканье.

Дедушка все чаще мерз, надевал на себя несколько слоев шерстяной одежды. Каждый день, кроме самых жарких, он топил печку углем – у него всегда был большой запас топлива, – но с годами колоть дрова и таскать уголь ему стало тяжело. Так что он носил уголь из сарая небольшими порциями, а дрова колот кто-нибудь другой.

В хорошую погоду мы с ним все еще ходили за урожаем на его огород: я толкала тачку, а он постукивал палкой по мостовой. Но сорняки становились все выше, справиться с ними уже

³ *Королевский госпиталь в Челси* – знаменитый престижный пансионат (инвалидный дом) для бывших военнослужащих британской армии. – *Примеч. ред.*

не получалось. И однажды мы выкопали последний урожай картофеля: сажать новый у деда уже не было ни сил, ни желания.

Он все больше замыкался, уходил в себя. Почти перестал слышать – а значит, по сути, и беседовать. Однако, кажется, ему даже нравилось размышлять в тишине, попыхивая трубкой. Бывало, он тихонько посмеивался своим мыслям. Иногда в его глазах блеснула слеза, но, если кто-то спрашивал, почему он плачет, дедушка не отвечал. Он и раньше не был разговорчивым, а в конце жизни беседы стали отнимать у него слишком много сил. И если все же надо было что-то сказать, он говорил медленно, размеренно и несколько отстраненно, будто мысли его блуждали где-то далеко и нужно было уговорить их вернуться на землю.

Иногда он говорил о смерти: «Совсем скоро я отправлюсь к своей дорогой жене». Однажды сказал, что вновь видел своего погибшего сына. Еще говорил, что чувствует приближение Ангела Смерти: сейчас этот образ кажется отжившим, но в те давние времена он считался более чем реальным.

С медицинской точки зрения дедушка не болел ничем особенным, но было ясно, что он угасает. Биение его сердца, которое качало кровь и доставляло кислород ко всем частям его тела, становилось все менее ритмичным, но он никогда не принимал сердечных лекарств. А дальше понятно: нет хорошего снабжения кислородом – нет и нормальной работы внутренних органов, в конце концов они отказывают. Его жизнь медленно утекала.

А затем, в последнюю неделю или пару недель, все изменилось буквально в одночасье. Днем раньше он жил как всегда, а тут его невозможно было поднять с постели. «Оставь меня в покое», – сказал он тете, которая попыталась уговорить его встать. После этого он почти не ел, только иногда пил глоток-другой.

В то время я работала медсестрой примерно в сорока милях от дома, но старалась навещать деда как можно чаще. В день его смерти я была рядом с ним. В те времена каждая медсестра видела много смертей, так что я знала, чего ожидать. Войдя в комнату, я сразу заметила изменения, очевидные для опытного взгляда: в последние несколько часов жизни с человеком случается нечто таинственное, как будто бы его покрывает пелена. Умиравший выглядит так же, но на самом деле он уже не такой, как прежде. Меняются дыхание, цвет кожи, глаза, почти исчезает мышечный тонус, пропадает речь. Чем ближе смерть, тем меньше сил ей сопротивляться.

Я попросила маму созвать родных. Слава общественному транспорту: чудесным образом вся семья успела собраться. Вечером того же дня дедушка умер.

Врача вызвали уже после, и то лишь затем, чтобы он заполнил свидетельство о смерти. Он спросил, не прислать ли помощницу, чтобы обрядить покойника, но я отказалась: мне хотелось проводить деда самой. Я омыла тело и надела на него саван. Теперь он был готов отправиться в последний путь. Все как меня учили на первом курсе.

Сказать по правде, не знаю, что именно врач написал в свидетельстве о смерти. Он, как и все мы, прекрасно знал, что причиной смерти была старость. Но написать такого не мог: с юридической точки зрения смерть должна быть исходом болезни.

Все мое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать...

Екклесиаст, глава 3, стихи 1 и 2

1953. Неестественная смерть

Нечасто бывает, что человек предсказывает свою смерть. Нечасто и встретишь такого человека. Однако иногда это случается, и такую пациентку я видела своими глазами.

Миссис Ратцки родилась в 80-х годах XIX века в Латвии, и практически вся ее жизнь была омрачена теми или иными войнами. Обычная женщина, из простых крестьян, она отличалась удивительной физической и душевной силой.

В 1941 году, когда немецкие войска вторглись в Латвию, а антифашистское сопротивление было жестоко подавлено, ее муж и четверо сыновей были насильственно призваны в нацистскую армию. Все они погибли, кроме младшего – Славка, который выжил только потому, что попал в плен к англичанам. И это оказалось самой большой удачей в его жизни. В Англии он работал на ферме и там впервые увидел Карен. Он был голубоглазым красавцем со светлыми кудрями и весь словно светился, заражая окружающих своим жизнелюбием. Карен служила в Женской земледельческой армии, ей приходилось тяжело работать, дни тянулись долго, в конце дня она буквально не чувала ног, но все-таки эти ноги приводили ее на свидания со Славком.

После войны, в 1947 году, они поженились. Карен стала парикмахером, а Славек автомехаником. Вдвоем они сумели скопить денег, внести залог за домик с верандой и взять ссуду. Они чувствовали себя гордыми и счастливыми домовладельцами, их дочкам было уже шесть и семь лет, но тут началась эта история.

Однажды Славек получил письмо от своей сестры Ольги из Латвии. Ольга сообщала: их мама внезапно объявила, что скоро умрет и должна перед смертью увидеть своего единственного выжившего сына. И она уже подала прошение на выездную визу.

Впрочем, целых четырнадцать недель после этого письма не было ни единой весточки, и Славек решил, что затея уже забыта. Но он не мог даже представить себе, какой решительной может быть старая женщина. В одиночку, имея при себе только вторую пару ботинок и запасную шаль, миссис Ратцки отправилась пешком через всю Северную Европу, добралась до французского побережья и нашла корабль, чтобы переправиться через пролив в Англию.

Кажется, такое можно только выдумать. Но по тем временам случалось всякое. Миллионы людей проходили тысячи миль вдоль и поперек разоренной Европы, чтобы добраться хоть до какого-то дома. Или хотя бы убежища, где можно скрыться от преследований и опасностей.

Сперва Славек увидел полисмена у своих дверей. Страж порядка сообщил, что его коллегам в Рединге позвонила полиция Дувра. Туда доставили старушку, задержанную в порту и не говорившую по-английски. Единственным удостоверением ее личности был клочок бумаги с именем и адресом Славка. Это была его мама.

На следующий день полиция доставила миссис Ратцки в дом сына. Оба были потрясены. Мать прильнула к сыну и заплакала от счастья, благословляя его именем Иисуса Христа, Девы Марии и всех святых на небесах. «Ты – единственный сын, оставшийся у меня! Мой младшенький, самый прекрасный сыночек, мой лебедь, моя надежда! Я так хотела увидеть тебя еще раз хоть одним глазком! Теперь я умру счастливой!» И она снова благословила его.

– Ты не умираешь. Ты же не больна! – запротестовал Славек.

– Не больна. Но я стара и вижу фигуру Смерти. Это жнец. Я слышу свист его косы – он срезает старую траву, чтобы могла пробиться новая. Так жизнь устроена. Теперь я нашла покой, я довольна и прошу у Господа только мирной смерти под кровом моего любимого сына.

Через четыре дня у миссис Ратцки внезапно возник заворот кишок. По непонятной причине у нее перекрутилась петля кишечника – спасти в таких случаях может только немедленное медицинское вмешательство.

Утром того дня Славек проснулся раньше всех. Он вошел в гостиную, где на диванчике спала его мама, и увидел ее скорчившейся от боли. Она наклонялась вперед, стонала и раскачивалась, схватившись за живот. Когда он зашел, она подняла на него глаза – лицо было серым и осунувшимся, глаза потускнели. Он подбежал к ней и обнял.

– Сыночек, дорогой, эта ночь была такой долгой... Слава богу, утро привело ко мне Славека!

Славек перепугался, сбежал по лестнице и позвал Карен:

– Скорее! Тут что-то ужасное происходит!

Миссис Ратцки продолжала:

– Я должна благословить твоих жену и детей, прежде чем уйду...

Карен вызвала доктора. Обследовать миссис Ратцки было трудно, она вся была напряжена и почти не могла двигаться. Но врач не мог не заметить жара, пота, учащенного пульса и сильной боли.

– Я сделаю угол морфина, и пусть скорая доставит ее в больницу.

Шел 1953 год, и мне было восемнадцать лет. Это был первый год, когда я училась на медсестру в Королевской больнице Беркшира в Рединге. И как раз туда поступила миссис Ратцки. Нам велели приготовиться к приему женщины с кишечной непроходимостью неизвестного происхождения – возможно, с перфорацией и перитонитом. Старшая по палате приказала одной из медсестер взять меня с собой и объяснить, как подготовить пациентку к срочному исследованию брюшной полости.

Мы приготовили кровать, операционную каталку, поднос для лекарств и инфузионных растворов, инструменты, еще каталку для зондирования желудка и аспирации, капельницу для глюкозы и физраствора. Пациентку доставили, ей тут же измерили температуру (она была высокой) и давление (ниже нормы). Пульс был учащенным, но слабым, а кожа – бледной и покрытой потом. Рот и язык у женщины пересохли, глаза потускнели, она была погружена в глубокий сон и дышала медленно: шесть – восемь вдохов в минуту. Очевидно, это был шок. Мне велели ее раздеть.

Славек стоял рядом, и штатная медсестра попыталась расспросить его, чтобы собрать анамнез. Однако Славек не знал даже возраста своей матери – то ли семьдесят пять, то ли восемьдесят. Он рассказал нам, что она была малообразованной простой женщиной, крестьянкой, работала в поле с семи лет, вышла замуж и родила девятерых детей – да, наверное, девятерых. Случались ли у нее выкидыши? Да кто ж знает. Болела ли она когда-нибудь? Вроде нет, она ничего об этом не говорила. Операции? Тоже вроде нет. Муж? Так он умер много лет назад.

А в это время я снимала с миссис Ратцки все ее черные одежды, обнажая изможденное тело. Медсестра задумалась и сказала:

– Такое впечатление, что она голодала всю жизнь. Откуда она вообще здесь?

Тогда-то Славек и рассказал нам невероятную историю ее одиночного похода через всю Европу в Англию. Медсестра продолжала записывать:

– Поразительно! Трудно поверить, однако она здесь – значит, добралась все-таки. Но зачем?

Славек едва сдерживал слезы, его голос дрожал:

– Мама сказала моей сестре Ольге, что скоро умрет, но перед смертью хочет меня повидать.

– Выходит, это ее предсмертное желание?

– Выходит, так. Она сказала, что теперь счастлива и может спокойно умереть.

Наша медсестра была доброй и оптимистичной.

– Не бойтесь. Ваша мама попала в хорошее место. Это лечится. Вот увидите, она скоро поправится.

– Спасибо! Вы так добры!

Прибыл хирург-практикант, совсем молодой, лет двадцати четырех, – это была его первая самостоятельная операция. Он, как и я, нервничал и не решался начать. Он послушал легкие, еще раз проверил работу сердца, заглянул миссис Ратцки в глаза, уши и горло, проверил рефлексы, взял кровь для проверки на совместимость, установил капельницу с глюкозой и физраствором, подготовил аппарат для отсасывания содержимого желудка... но зонд пока еще не вводил. Потом снова ощупал твердый и вздутый живот и приложил стетоскоп, чтобы послушать перистальтику.

– Хм, – произнес он с мудрым видом, – позову ординатора.

И он ушел. А я продолжила готовить миссис Ратцки к операции. Мне было велено вымыть старушку и надеть на нее операционную сорочку. Было даже страшно ее перемещать – она была настолько хрупкой, что казалось, вот-вот сломается. Похоже, она весила не больше семи стоунов⁴, и из этого высохшего тела торчал напряженный блестящий живот. Я задумалась, что за жизнь была у нее в Латвии...

Вскоре вернулся хирург в сопровождении ординатора. Ординатору было немногим больше тридцати, а то и меньше, но пять лет работы в медицине меняют многое. Вот уж в нем-то не было ни осторожности, ни колебаний – быстрый, самоуверенный, высокомерный. Постучав пациентку по животу, он прислушался.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он младшего коллегу.

– Ну, я... э-э... слушал звуки перистальтики.

– И что ты думаешь о них?

– Ну, я обнаружил... э-э...

– Из того, что слышно, ни черта не понять. Нам придется вскрыть живот, чтобы посмотреть, в чем дело. Иди и закажи операционную. Диагностическая лапаротомия. Может, и гастрэктомия, резекция... в общем, как пойдет. Пойду поговорю с Картером. Посмотрим, захочет ли он взяться за это дело, или придется мне.

Они ушли. Спустя некоторое время в палату зашел мистер Картер, хирург-консультант, вместе с анестезиологом. Теперь уже Картер осматривал миссис Ратцки и изучал записи. Анестезиолога беспокоили истощенность пациентки и состояние шока. Он распорядился ввести зонд в желудок и немедленно начать откачку содержимого. Сказал, что премедикация не требуется, так как ей уже вкололи морфин. И заметил:

– Нужна форма согласия, но она же не может ее подписать. Кто-нибудь может?

– Вот ее сын, – ответила медсестра.

– Уговори его.

Консультанты вышли, медсестра взяла документ и направилась к Славеку.

– Мы должны отвезти вашу маму в операционную для срочного исследования брюшной полости. Не подпишете согласие за нее?

– Конечно! – и Славак тут же поставил свою подпись.

Никто не рассказал Славеку, в каком состоянии его мать. Никто не объяснил ему, что такое диагностическая лапаротомия, к чему может привести гастрэктомия или резекция желудка, какими бывают послеоперационные осложнения, которые так легко возникают у пожилых людей после серьезных операций. Никто даже не намекнул, что операция может привести к смерти более мучительной и уж точно более медленной, чем беда, случившаяся ранним утром. Ни врач, ни медсестра не обсуждали со Славеком ни предсмертного желания его матери, ни ее уверенности в неминуемой кончине, ни ее удивительной решимости приехать в Англию, чтобы повидаться с ним перед смертью, ни ее принятия этой смерти после встречи. Никому не пришло в голову задать ему естественный человеческий вопрос: а чего бы его мама на самом деле хотела? Все вокруг принимали решения за миссис Ратцки, пока она находилась

⁴ Примерно 45 килограммов. – *Примеч. пер.*

в глубоком наркотическом сне. И никто не предложил подождать, пока она проснется и сможет говорить сама.

Именно тогда, в возрасте восемнадцати лет, я впервые начала всерьез задумываться о смерти.

Жизнь спасена

С того момента, как скорая приехала в дом Славека, до доставки миссис Ратцки в операционную прошло меньше часа. Мистер Картер сам взялся оперировать, а ординатор и интерн помогли ему. Брюшную полость вскрыли, и медикам удалось понять причину кишечной непроходимости: это действительно был заворот кишок, странгуляция. Так говорят, когда какая-то петля кишечника перекручивается вокруг оси. Чаще всего это происходит в тазовом отделе толстой кишки, причем обычно у пожилых. Из петли откачали содержимое при помощи иглы для аспирации, раскрутили ее вручную, затем исследовали остальной кишечник, но там все было в порядке. Всю операцию наша пациентка пролежала под капельницей с глюкозой и физраствором, а из ее желудка в это время откачивалось содержимое. Чтобы снизить давление на тазовый отдел кишечника, в левой паховой области пришлось сделать колостомию – как все считали, лишь на время. Колостомией называют процедуру, когда одна из петель кишечника через разрез в животе выводится на поверхность кожи и удерживается в нужном положении с помощью швов. Потом в кишке проделывается отверстие, и содержимое стекает в специальный мешок.

Сама операция была простой, но возникли проблемы с анестезией. Миссис Ратцки была уже старая, истощена и находилась в состоянии глубокого шока. Артериальное давление оставалось низким, слишком низким для поддержания нормального кровообращения, так что надо было добавить кардиостимулирующие препараты и кислородную поддержку. К тому же у нее была снижена активность дыхательного центра, и пришлось провести трахеотомию. Анестезиолог проделал искусственное отверстие в дыхательном горле (трахее) и провел по нему вниз эндотрахеальную трубку, чтобы по ней под положительным давлением поступали кислород и другие газы. В качестве газа для анестезии был выбран эфир. Однако у миссис Ратцки эфир вызвал серьезное осложнение – судороги. Потребовалось внутривенно ввести антидот и прекратить подачу анестетика, заменив эфир на смесь кислорода и углекислого газа. В общей сложности пациентка провела в операционной около трех часов, и большую часть этого времени анестезиолог боролся за ее жизнь, спасая ее каждый раз, когда врачи считали, что уже конец.

Из операционной миссис Ратцки перевели в палату. В 1950-х годах не существовало послеоперационных отделений интенсивной терапии, так что обязанности по уходу легли на старшую медсестру и ее команду. Нас предупредили, что это тяжелая больная, так что для нее подготовили небольшое отдельное помещение. Старшая сестра приняла пациентку, еще раз проверила ее состояние и велела одной из медсестер дежурить у постели. В те дни еще не было никаких мониторов, которые автоматически контролируют состояние пациента. Оставалось полагаться на опыт и внимательность медсестер.

Славеку пришлось вернуться на работу. Ему посоветовали позвонить в больницу в полдень и навестить маму вечером. Он позвонил, и ему сообщили, что его мама перенесла операцию хорошо, но все еще находится под наркозом. Когда он примчался в больницу, сразу же после работы, она еще не проснулась. Его напугала дыхательная трубка, торчавшая из горла, но сестра уверила его, что это временно: трубку уберут, как только у миссис Ратцки будет достаточно сил, чтобы нормально дышать. Потом он спросил, почему ей делают переливание крови, и снова его успокоили, что это обычное дело после такой непростой операции. Шипящий кислородный баллон у ее постели его пугал, но и утешал: для мамы делается все возможное. Все будет хорошо. Она спокойно спала, и он тихонько ушел домой.

Однако на следующий день Слаvek заволновался всерьез: он увидел, что руки его матери привязаны к кровати. Медсестра объяснила, что это было необходимо, так как миссис Ратцки, едва очнувшись, попыталась вытащить из трахеи дыхательную трубку. Мать повернула голову

и посмотрела на сына измученными глазами, но не могла ничего сказать из-за трубки в горле. Славек погладил маму по руке, поцеловал в лоб и прошептал:

– Мамочка, все наладится. Они знают, что делают.

На третий вечер баллон с кислородом уже убрали, но трубка оставалась в горле, а руки все еще были привязаны. На вопрос Славка медсестра ответила, что утром будет обход, тогда врач все и решит. Славек успокоился и сказал маме, что завтра хирург ее посмотрит и все будет хорошо.

Однако не все было хорошо, и мы, медсестры, об этом знали.

Во-первых, пробуждение после наркоза было неестественно долгим. Более суток пациентка даже не начинала приходить в сознание, а затем началось болезненное возбуждение. Миссис Ратцки рвалась из постели, и ее удерживали две медсестры. Она пыталась закричать, но не могла издать ни звука из-за трубки в трахее и поэтому хотела ее вытащить. Мы, медсестры, старались объяснить, что трубка должна оставаться на месте еще несколько дней, но потом поняли, что миссис Ратцки совсем не говорит и не понимает по-английски. Через несколько дней мы осознали, какая нелегкая задача стоит перед нами. Пациентка внимательно наблюдала за нами и, как только медсестра отвернулась, снова попыталась вытащить трубку. Ее снова остановили. Потом была беда с желудочным зондом, подсоединенным к машине для аспирации. Потом миссис Ратцки заметила капельницу для переливания крови и стала примериваться к ней, чтобы выдернуть. И вот тогда ночная медсестра привязала бедняге руки к кровати: ночью дежурных сестер меньше, и пациентка наверняка бы преуспела.

Миссис Ратцки лежала неподвижно, привязанная за руки, в испуганном молчании. Беззвучные рыдания сотрясали ее тело, из глаз текли слезы. Из-за боли в горле она не могла глотать. Рот высох и покрылся корками, каждый час его смачивали и очищали, но язык все равно потрескался, на нем появились язвы. У нее совсем не отходила моча, медсестра пришла поставить катетер, но миссис Ратцки изо всех сил напрягалась, не позволяя никому развести ей ноги. Неужели она думала, что ее насилюют? Может быть, такое с ней и вправду бывало в тюрьме или концлагере? В конце концов мы ввели ей миорелаксант – этому она уже не могла сопротивляться – и все-таки поставили катетер.

Хирург, ординатор и анестезиолог постоянно контролировали состояние больной. На четвертый день после операции мистер Картер был на обходе. Это всегда было торжественное шествие: консультант, за ним старшая палатная медсестра, а потом свита из врачей и сестер, чтобы выполнять указания и подавать предметы. Что-то похожее на визит коронованных особ. Консультант обходил всех пациентов, задавая вопросы сестре, сверяясь с записями, назначая анализы и гистологические исследования, меняя лекарства или их дозировки.

Когда мистер Картер подошел к кровати миссис Ратцки, она лежала неподвижно, крепко сжав губы. Только глаза двигались, перескакивая с одного белого халата на другой. Мистер Картер просмотрел записи.

– Я слышал, у вас с ней были проблемы, сестра.

– Да, сэр. Она все время пытается сорвать повязки.

– И поэтому вы привязали ей руки?

– Да, сэр. Это был единственный выход.

– Гм... ну, мы можем убрать зонд, попробуем поить ее через рот. Переливания крови прекращаем после этой капельницы. Надеюсь, это поможет. Про трахеостому я сказать ничего не могу, должен смотреть анестезиолог. Остальное в пределах нормы? Стул, моча?

– Да, сэр. Посмотрите рану?

– Хорошо. Пусть медсестра уберет повязку.

Я как раз была в хвосте свиты, так что вышла и сняла повязки.

– Ладно. Удовлетворительно. Можно убрать один из дренажей. Второй вынем после снятия швов – нам же еще закрывать ей колостому в операционной. А сделаете это вы, Райдер, – обратился он к ординатору.

– Да, сэр.

– Все нормально, согласны?

– Да, сэр, вполне удовлетворительно.

И они перешли к следующей койке. Было видно, как миссис Ратцки сразу расслабилась.

После обхода старшая медсестра попросила меня помочь с удалением назогастрального зонда. В это время последняя порция крови подходила к концу, так что капельницу мы тоже сняли. И теперь миссис Ратцки больше походила на человека.

Анестезиолог вошел в палату и заявил, что вынет трубку из трахеи под местным наркозом. Старшая медсестра должна была ассистировать ему, а я – наблюдать за процессом. Пришел посмотреть и молодой хирург-практикант: он хотел знать, как проводятся подобные операции. Завидев еще одну хирургическую тележку и нескольких врачей и медсестер, миссис Ратцки заметно заволновалась. И, хотя она не могла издать ни звука, а ее руки были по-прежнему привязаны к кровати, язык тела говорил за нее: больная была в панике. Стоило анестезиологу поднести шприц с местным обезболивающим к шее пациентки, она страшно побледнела, а лоб покрылся потом. Врач отступил в замешательстве. Затем измерил ей пульс.

– Сто двадцать. Я не могу так продолжать, нужен общий наркоз.

Итак, вот уже во второй раз миссис Ратцки готовили к операции. Мы сделали премедикацию и вкололи ей миорелаксант. Потом буквально за несколько минут удалили трубку, наложили швы на трахею, наружные мышцы и кожу. И скоро пациентка была опять в своей постели.

Вечером позвонил Славек. Он с радостью узнал, что руки его матери наконец свободны и что из палаты убрали все аппараты. Правда, шея миссис Ратцки была забинтована, к тому же она все еще не могла разговаривать из-за болезненных язв в горле. К счастью, они не смертельны и со временем проходят.

Через несколько дней она уже *могла* говорить, но мы ничего не понимали. Зато мы сумели усадить ее на кровати, и она получила возможность рассмотреть других пациентов. В ее глазах читались испуг и недоверие, а при приближении врачей она по-прежнему испытывала сильнейший ужас. Мы, медсестры, пытались покормить ее, но она наотрез отказывалась, и нам не удалось уговорить ее даже попить.

«Если и дальше так пойдет, нужна будет очередная капельница с физраствором. Нельзя так долго обходиться без жидкости», – сказала старшая сестра. И вечером, когда пришел Славек, она попросила его убедить маму попить хоть немного. Но и у него ничего не вышло. Оказывается, она боялась, что мы отравим ее, и он не мог ее разубедить. Она соглашалась поест и попить, только если он сам принесет ей что-нибудь. Он так и сделал, и она действительно начала потихоньку есть и пить.

На седьмой день сняли швы и убрали дренажную трубку. Состояние миссис Ратцки казалось стабильным. Во время очередного обхода мистер Картер сказал, что если все пойдет хорошо, то колостому можно будет закрыть на десятый день после операции. Он был уверен, что дело идет к полному выздоровлению.

Начинался девятый послеоперационный день. И тут медсестра, дежурившая ночью, сообщила, что пациентка очень беспокойна, ей явно больно. Старшая медсестра зашла в палату и увидела, что миссис Ратцки согнулась пополам от боли и жалобно стонет. Участился пульс, подскочила температура, а живот вновь стал неестественно твердым. Больную рвало – обильно, без позывов. Сестра не на шутку встревожилась и вызвала хирурга. Это случилось в пять утра, и, когда всего спустя десять минут доктор прибыл, он уже увидел больную в состоянии шока, а частота пульса и температура продолжали расти. Все происходило очень быстро. Пациентку вырвало еще раз, на этот раз фонтаном; эта была зеленоватая жидкость с желчью.

Вызвали ординатора, которому хватило беглого осмотра.

– Снова непроходимость! Живот резко раздуло от газов и жидкости – это может быть из-за паралича кишечника. Нужно немедленно доставить ее в операционную. Я поговорю с Картером, а вы, сестра, предупредите всех, что будет срочная операция на брюшной полости.

Он повернулся и приказал санитару:

– Дайте ей побольше морфина и немедленно начните отсасывание из желудка. Нужно будет опять переливание. Пока мы не связались с банком крови, подготовьте хотя бы плазму.

В экстренных ситуациях ординатор был на высоте – уверенный, быстрый, решительный, он умел брать на себя ответственность и командовать остальными. Эту операцию он провел самостоятельно. Часть кишечника оказалась парализованной, ее раздуло от газов, а область первоначального заворота из-за спаек прилежала к изгибам толстого кишечника. Появились признаки гангрены, так что пришлось удалить сигмовидную и прямую кишки и закрыть анальное отверстие. Колостомы вместо временной стала постоянной.

Вечером Славек пришел навестить маму и застал ее в том же положении, что и девять дней назад, разве что без трубки в трахее. Он был растерян и подавлен. Что случилось? Ему только сказали, что его мать пришлось вернуть в операционную для дальнейшего лечения.

И с тех пор все не ладилось. Миссис Ратцки была совсем плоха. Две масштабные операции и наркоз в ее возрасте взяли свое. Две недели она была на волосок от смерти, но мы всеми силами поддерживали ее. Три или четыре дня продолжалась откачка содержимого желудка, две недели ей ставили капельницы. Глотать лекарства она просто не могла, приходилось делать уколы. Живот опять раздуло, и пришлось ввести в брюшную полость троакары с трубкой, чтобы выпустить газ. Все проводилось под местной анестезией, но она была слишком слаба, чтобы сопротивляться. Рот, язык и горло были покрыты язвами еще долгое время после удаления назогастрального зонда. Мочевой катетер надо было сменить для промывки, и она пыталась сопротивляться, но сил уже не было. Вдобавок у нее развилась инфекция мочевых путей, а это означало дополнительные лекарства.

Потом была инфекция дыхательных путей – а значит, еще лекарства и еще уколы. Кашлевой рефлекс был слишком слабым, и мы вызвали физиотерапевта, чтобы стимулировать кашель с помощью упражнений, пальпации и постурального дренажа⁵. В таком ослабленном состоянии ее сердце плохо работало, и мы давали ей кардиостимулирующие препараты. Она так долго лежала в постели, что у нее появились пролежни – мы обрабатывали их каждые два часа, но предотвратить их появление не могли. Рана после второй операции выглядела так, словно уже никогда не заживет. Все это в сочетании с колостомой источало отвратительный запах, так что иногда к несчастной трудно было даже подойти.

Доктора приходили и уходили. Они постукивали ее по животу, слушали, обсуждали свои предположения с коллегами, спорили. Они брали кровь миссис Ратцки на анализ, чтобы измерить уровни гемоглобина и лейкоцитов, затем – чтобы узнать электролитный баланс. Они проводили анализы мочи и мокроты, зондировали отверстия, обсуждали скорость оседания эритроцитов.

Они продолжали приходить и уходить, однако спустя несколько недель они приходили все реже, а уходили все быстрее. Как мне кажется, медицинские консультанты и особенно хирурги воздвигали между собой и пациентами невидимый барьер. До и во время операции они были на высоте как профессионалы. Однако после операции они немедленно отдалялись. Только хирург-практикант, самый молодой из докторов, проводил с нашей пациенткой хоть какое-то время.

⁵ *Постуральный дренаж* – дренирование путем придания телу такого положения, при котором отток жидкости происходит под действием силы тяжести. – *Примеч. ред.*

Но, честно говоря, для миссис Ратцки больше ничего нельзя было сделать. Дважды доктора проводили срочные операции, чтобы спасти ее от верной смерти, а теперь поддержание ее жизни стало нашей задачей. Этим мы, медсестры, и занимались – день за днем, час за часом.

Нас особенно огорчало, что миссис Ратцки так безумно нас боится – ведь обычно медсестры никому не внушают страха. Мы расспрашивали Славека, в чем может быть дело. По его словам, мама вообразила, что она в нацистском лагере, где врачи ставят эксперименты над людьми. Он пытался объяснить маме, что она сейчас в Англии, находится в больнице только из-за тяжелой болезни и мы помогаем ей идти на поправку. Но ничего не вышло: она была уверена, что мы ставим над ней опыты, и показывала на свой живот.

– Посмотри, что они сделали со мной! Разрезали, вытащили мои внутренности, – она указала на свою колостому. – Они трогали меня в таких местах – даже не хочу говорить, что они делали! Ты не поверишь! Они перерезали мне горло, ты же видел! Сын мой, я тебе говорю: это медицинские опыты, это дело дьявола. Посмотри на них – ни сердца, ни души, ни капли жалости! Они просто машины и работают на дьявола.

Миссис Ратцки была очень выносливой – как физически, так и морально. Почти все мужчины ее семьи погибли в войнах и восстаниях, мирной жизни она практически не видела, и у нее была единственная цель – сохранить то, что осталось от семьи. Во время Второй мировой войны она побывала в концлагере, среди холода, голода и жестокости. И каким-то чудом выжила, хотя смерть была со всех сторон.

В больнице она пережила две операции и шла на поправку, однако, чем больше сил у нее становилось, тем больше она сопротивлялась нашей заботе. Она пыталась подражаться с нами всякий раз, когда мы подходили к ней, даже просто чтобы сменить постельное белье. Мы пытались давать ей таблетки, но она швыряла их на пол, била нас, плевалась, так что опять нужны были уколы. Даже для этого требовалось три медсестры – две держали миссис Ратцки, а одна вводила препарат. Она кричала на нас – видимо, ругалась, а иногда успевала стукнуть. Она срывала перевязки и калоприемник, ей удалось даже вытащить мочевой катетер. Мы были в отчаянии, и в конце концов было решено дать ей паральдегид. Это жидкое бесцветное лекарство с характерным отвратительным запахом, который буквально пропитывал пациента и чувствовался даже на расстоянии. Мы, медсестры, терпеть не могли колоть больным паральдегид, потому что нужно было вводить большой объем препарата через толстую иглу, глубоко воткнув ее в мышцу. Да, конечно, паральдегид успокаивал больных, но эффект был странным – я даже думала, нет ли у него галлюциногенных свойств. Действия укола хватало примерно на шесть часов, а потом мы часто наблюдали у пациентов сильное возбуждение и дезориентацию.

Миссис Ратцки пролежала в больнице пять недель, и ее состояние беспокоило меня все больше и больше. Когда мы начали вводить ей паральдегид, я не выдержала и выпалила:

– Почему мы даем ей это лекарство?

– Потому что иначе мы не в состоянии контролировать ее, – ответила медсестра.

– Но это же кошмар! После паральдегида человек перестает быть прежним. Она уже не станет такой, как раньше!

– Я знаю, но так нужно.

– Почему?

– Вы здесь не для того, чтобы задавать вопросы. Вам лучше поговорить со старшей сестрой по палате, если вы так беспокоитесь.

– Да, я беспокоюсь, и не только из-за паральдегида. Вообще из-за всего.

Мне потребовалось немало мужества, чтобы поговорить со старшей сестрой. В ту пору существовала определенная иерархия: младшая медсестра-студентка не могла заговорить со старшей палатной сестрой, пока та первой не обратится к ней, поэтому я попросила одну из опытных медсестер замолвить за меня словечко.

Несколькими днями позже, когда я уже заканчивала дежурство, старшая сестра обратилась ко мне:

– Я слышала, вас беспокоит, что мы даем паральдегид миссис Ратцки?

– Да, и многое другое.

– Что именно?

– Все, наверное. Ее лечение, операции, лекарства, все эти сердечные стимуляторы, антибиотики – просто все...

Взгляд старшей сестры был настолько суровым, что я не решилась продолжить.

– Надеюсь, вы не критикуете лечение, которое миссис Ратцки получает в нашей больнице?

Вопрос был произнесен таким тоном, что прозвучал скорее как угроза.

– Нет-нет, – поспешно ответила я, чувствуя себя полной дурой.

– Хорошо, можете заканчивать дежурство.

Несколько дней спустя, в разгар утренней работы, когда не было ни единой пары свободных рук и все мы старались завершить необходимые дела до обеда, ко мне подошла одна из медсестер. Заверив, что возьмет мою часть работы на себя, она сказала немедленно явиться в офис Матроны – так мы называли сестру-хозяйку всей больницы.

В те дни сестры-хозяйки были фигурами очень яркими и влиятельными. Большинство из них имели незаурядный ум, сильный характер и твердые моральные принципы. Хорошая сестра-хозяйка знала все, что происходило в ее больнице, и постоянно, как говорится, держала руку на пульсе. Сейчас в сестринском деле нет людей, обладающих таким авторитетом и влиянием. У многих врачей-хирургов тряслись колени, если вдруг их вызывали в кабинет сестры-хозяйки. Что уж говорить о младшей медсестре, к тому же студентке – мне полагалось просто упасть в обморок. Ведь сейчас я буду говорить с великой орденосной мисс Олдвинкл!

Но на самом деле я не боялась – напротив, испытывала что-то вроде облегчения. Однажды меня уже вызывали к ней из-за стычки с одним из медицинских консультантов, который грубо толкнул меня. Тогда у меня сложилось впечатление, что мисс Олдвинкл – мудрая и проницательная женщина. Я чувствовала, что могу говорить с ней так, как не получилось поговорить со старшей палатной сестрой.

Я подошла к ее двери и постучала.

– Заходите, – раздался голос.

Это была большая красивая комната в постройке Викторианской эпохи, выходившая окнами на просторный двор.

– Садитесь, сестра Ли. Насколько я понимаю, вас волнует лечение миссис Ратцки?

– Да.

– Что именно вас беспокоит?

– Трудно объяснить. Меня беспокоит, сколько душевных и физических страданий мы ей причинили. Но дело не только в этом.

– Мы всегда видим страдание в больницах.

– Да, но ведь это страдание причинили мы!

– Она умерла бы, если бы не попала в больницу.

– Но, может быть, это не так и плохо? Моя бабушка умерла несколько лет назад, и никто не думал, что это неправильно. У нее случился инфаркт, и она умерла. С ней были мои мама и дедушка. Ей не пришлось мучиться неделю за неделей, как миссис Ратцки.

Сестра-хозяйка пристально посмотрела на меня, и я продолжала смелее.

– Миссис Ратцки знала, что умрет. Она же прошла через всю Европу, чтобы увидеть сына.

– Да, я знаю эту историю.

– Так почему же ей нельзя было дать умереть спокойно, как умерла моя бабушка?

Мне было всего восемнадцать. Я была в смятении и пыталась выразить неоформившиеся бессвязные мысли, которые и сама-то еле понимала:

– Что такого ужасного в смерти? Мы все умираем. Кто родился, тот и умрет. Дорога всегда идет в одном направлении. Других нет.

Мисс Олдвинкл по-прежнему хранила молчание. Я так разнервничалась, что встала и начала ходить по комнате.

– Вы не знаете, через что эта бедняга прошла, а я-то знаю. Я была рядом с ней день за днем, и она ужасно мучилась, правда ужасно.

– Я знаю про ее мучения.

– И все это так бессмысленно. Зачем?

– Миссис Ратцки жива.

– Но разве это жизнь? Мы превратили энергичную, здоровую пожилую женщину в жалкого инвалида. Она никогда не восстановится полностью. Может быть, у нее теперь и с головой беда. До попадания к нам она хотя бы понимала, что делает. А теперь нет.

– Присядьте, сестра.

Старшая сестра позвонила в колокольчик, и вошла помощница.

– Принесите, пожалуйста, чайник чая, две чашки и печенье.

– Сейчас.

Матрона посмотрела на меня и вздохнула:

– Понимаю, вы расстроены. Видите ли, вы задаете вопросы, на которые я не могу ответить. Никто не может. В вашем возрасте я была начинающей медсестрой на фронте, во Франции. Смерть была повсюду. Миллионы молодых людей погибли в той войне. Миллионы. Но я помню одного выжившего – его лицо было разворочено взрывом. Вместо носа, рта, подбородка зияла огромная кровавая дыра. И все же он был жив, и глаза его двигались, и разум, очевидно, был при нем – просто он не мог говорить, потому что у него не было ни рта, ни языка. Хирурги заштопали его, пересадили кожу на место осколочного ранения, и он, можно сказать, выздоровел. Только когда-то он был красивым юношей, а теперь от его лица остались два глаза, а под ними была жуткая дыра. Из дыры торчал зонд, чтобы можно было есть жидкую пищу.

Теперь настала моя очередь молча смотреть на нее.

– Мне было около восемнадцати, и я, как и вы, думала: зачем они это сделали? Жизнь с таким лицом, если это вообще можно назвать лицом... да, конечно, это хуже смерти!

Я не знала, что сказать. В дверь постучали, и помощница внесла поднос.

– Спасибо, Берта. Поставьте, пожалуйста, сюда.

Матрона налила чаю нам обеим.

– Это глубокие и мучительные вопросы, дорогая, на которые не может быть ответов. Я знаю, что вы расстроены, и я вас понимаю.

– Это ужасная история. Я не хотела бы жить с таким лицом. Но что с ним было дальше?

– Он живет в пансионате для бывших военнослужащих. К сожалению, он не может жить среди обычных людей, потому что все смотрят и показывают на него.

– То есть он все еще жив! И... счастлив?

– Не знаю, но он выглядит довольным. Он садовник, а садовники всегда радостны. У него есть собака. Когда я была в вашем возрасте, я думала так же, как и вы. Вот именно так: не хотела бы я жить с таким лицом. Но вряд ли этот человек предпочел бы умереть.

– И все-таки он был молод, и даже после такого несчастья его ждала целая жизнь. Госпожа Ратцки стара, ее жизнь подходит к концу. Она говорила, что скоро умрет. Когда она добилась своей цели, ничто уже не держало ее на земле. Из-за кишечной непроходимости она бы мучилась всего несколько часов, а потом, наверное, умерла бы на руках у сына, как моя бабушка на руках у мужа.

– Однако такова работа врачей и медсестер – не допустить смерти, если это возможно.

– Но ради чего мы это делаем? На благо пациента или во имя медицинской профессии? Мы говорим, что благо пациента прежде всего, но правда ли это так? Боюсь, что сейчас на первом месте стоит оттачивание технологий и квалификации.

– Уверена, что миссис Ратцки лечили из самых лучших побуждений – чтобы сохранить ей жизнь.

– И до конца своих дней она останется беспомощной старухой, обузой для близких!

– Любая человеческая жизнь священна.

– Но и человеческая смерть священна! Или хотя бы должна быть священной, если бы мы это допускали. У меня уже есть небольшой опыт ухода за умирающими – последние несколько часов всегда были мирными, даже одухотворенными. Разве это не священное время?

– Да, конечно. Я тридцать пять лет ухаживала за больными. И до сих пор не понимаю, что подразумевается под словами «предсмертная агония», потому что никогда ее не видела.

Она помолчала немного, а затем добавила:

– Возможно, у некоторых людей я видела то, что можно было бы назвать борьбой со смертью, и на это всегда грустно смотреть. В то время как для подавляющего большинства смерть тиха и нежна.

– Но только не для миссис Ратцки. Она мучится уже пять или шесть недель, а сколько еще предстоит? Мы лишили ее этой тихой смерти.

Сестра ничего не ответила, но я уже не могла остановиться:

– Она думает, что находится в концлагере, а мы используем ее как подопытного кролика. Она не может понять, что мы делаем и почему. Она все время боится – боится нас.

– Знаю. Такого никто не мог предвидеть.

– Но ее уже несколько недель трясет от страха. Это ужасно, на это невозможно смотреть! Чтобы не разрыдаться, мне пришлось встать и снова начать ходить по комнате:

– А все эти бесчисленные уколы! Десятками, ежедневно. А сейчас добавили паральдегид. От него одного можно с ума сойти. Одно безумие сменяется другим.

Я прошла по комнате туда и обратно, снова села:

– И вот что еще меня беспокоит. Все эти требования, что помощь должна оказываться во что бы то ни стало. В ее назначениях записано: «Если пациент отказывается от лекарств, необходимо ввести их путем инъекции». И нам, медсестрам, приходится делать эти инъекции. Что-то здесь не так.

– Медсестра должна подчиняться приказам врача.

– Миссис Ратцки все время отказывается от лекарств. Мы силой удерживаем ее, чтобы сделать укол. Но разве это не насилие? И кто в таком случае его совершает? Врач, который отдал приказ, или я, медсестра, которая его выполняет?

– Я не могу ответить на эти вопросы. Разве что юрист смог бы, и то сомневаюсь. Если для спасения жизни больного необходимы те или иные лекарства, он должен их получить. Любой суд подтвердит, что это медицинская необходимость.

– Тогда я не согласна с ним!

– Сестра, вы еще очень молоды и страстны. Вы пытаетесь понять вещи, слишком глубокие для нашего понимания. Раньше смерть была другой – такой, как вы описывали. У вашей бабушки случился инфаркт, она умерла на руках у мужа, и так оно обычно и случалось раньше. Но сейчас все меняется. Наука нашла много способов бороться со смертью, а к концу века их будут еще тысячи. Мы не знаем, чем это кончится. Вдруг настанет время, когда человек потеряет саму возможность умереть?

– Это пугает.

– Да, – Матрона встала во весь свой полутораметровый рост, тем самым показывая, что беседа окончена.

– И я советую вам поменьше говорить с другими на эту тему. Вас не поймут. Хуже: вас могут понять абсолютно неправильно. Ваши слова будут толковать самым зловещим образом. Поверьте, это опасная тема.

Не получается умереть

В начале 1950-х годов больница была замкнутым мирком, особенно для медсестер. Мы жили все вместе в доме для персонала, обедали тоже вместе. Естественно, мы постоянно обменивались больничными новостями. Так что, хотя после первых пяти-шести недель сама я уже не ухаживала за миссис Ратцки, я все-таки могла узнавать об ее состоянии и старалась это делать.

В какой-то момент миссис Ратцки достаточно поправилась, чтобы можно было перевести ее в пансионат для выздоравливающих, пристроенный к больнице. Это был прелестный дом с садом, спускавшимся к Темзе. И там ей было вроде бы хорошо.

Медсестры пытались научить ее, как управляться с колостомой, но она ничего не понимала и, казалось, не могла ничему научиться. Она просто бурчала что-то себе под нос, изредка тыча пальцем в свою кишку – в кишечнике нет нервных окончаний, так что боли она не испытывала. Ей было явно интересно, но совершенно непонятно, что делать с этой штукой. После трех недель в пансионате было решено, что она может вернуться домой, а там за ней будет присматривать патронажная медсестра.

Больничная машина привезла миссис Ратцки прямо к дому. Ее невестка Карен с тревогой наблюдала, как водитель помог старушке выйти из машины, пройти по садовой дорожке и затем в гостиную. Миссис Ратцки направилась прямо к дивану, бормоча что-то себе под нос и кутаясь в шаль.

Приехала патронажная сестра, добрая и услужливая женщина.

– А где она будет спать? – поинтересовалась сестра.

– Даже не знаю, раньше она спала на диване.

– Но сейчас ей этот диван не подходит. Я похлопочу, чтобы социальная служба прислала вам специальную кровать. Это же замечательно, сколько помощи можно получить от новой службы здравоохранения! Сейчас мне нужно уйти, но я вернусь после обеда, не переживайте.

Карен испуганно наблюдала, как мужчины внесли в дом кровать, а диван вынесли в садовый сарай. Она закусила губу: весь уют ее гостиной был разрушен.

Медсестра вернулась во второй половине дня.

– Я принесла простыни, наволочки и байковые одеяла, которые можно очень легко стирать. Это все тоже от Национальной службы здравоохранения, бесплатно. Разве это не чудесно?

Однако Карен не испытывала такого восторга. Стирки одеял она не ожидала.

Миссис Ратцки сидела на краю кровати. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке и что-то бормотала. Медсестра ласково обратилась к ней:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, дорогая, но давай снимем с тебя эту одежду и ляжем в постель, хорошо? – она повернулась к Карен. – Давайте я покажу вам, как ухаживать за колостомой.

– Коло... Что это?

– Надо же! Никто не сказал вам, что у нее колостома? Ну, если вкратце, дело вот в чем: пришлось закрыть прямую кишку, так что сейчас ее толстая кишка выведена на поверхность, а отходы попадают в мешок. Я захватила с собой запас мешков для колостомы, чтобы оставить их вам.

Карен все равно плохо понимала, что ей говорят, пока не увидела живот свекрови. Два огромных жутких шрама пересекали морщинистую старую кожу, а с левой стороны торчала непонятная розовая штука. Она была покрыта пластиковым мешком с коричневой жидкостью и смазана чем-то липким по краям. Миссис Ратцки посмотрела на свой живот, ткнула пальцем мешок и попыталась его стянуть.

– Э, нет, не надо тут ничего трогать, – медсестра решительно отвела ее руку и продолжила разговаривать с Карен. – Говорят, она все время так делала в больнице. Сколько ей ни объясняли, она не понимает, что этот мешок должен оставаться на месте. Вы когда-нибудь видели такую штуку?

– Никогда, и я этого не вынесу! Просто не смогу! Меня стошнит сейчас!

– Вы привыкнете, милая. С первого взгляда все кажется хуже, чем потом. В общем, мешок нужно менять, когда он наполняется. Это не так уж трудно, когда привыкаешь. В любом случае я буду приходить утром и вечером, чтобы помогать вам.

Медсестра аккуратно сняла мешок и завернула его вместе с содержимым в ватно-марлевое полотенце. Огромный розовый вырост, поднимавшийся над кожей, казался Карен похожим на актинию, растущую на скале. Она глядела с ужасом и отвращением.

– После того как снимете мешок, важно тщательно очистить кожу, а то будет раздражение. Смотрите! – и медсестра ловко помыла кожу вокруг колостомы стерилизованной водой, а потом нанесла цинковую мазь.

– Я оставлю вам средства для обработки.

– Нет-нет, я никогда не смогу сделать этого! – Карен была в ужасе.

– Боюсь, что придется. Обычно пациенты сами справляются. Но, судя по записям в истории болезни, тут это вряд ли произойдет.

– Но я все равно не смогу, я не справлюсь, – жалобно причитала девушка.

– Возможно, в первые несколько недель я иногда смогу приходить в обед и помогать вам.

– Несколько недель?! – Карен встревожилась еще сильнее. – Сколько вообще все это продлится?

– Кто ж знает, милая. Могу только сказать, что колостома останется с ней на всю жизнь. Теперь нам нужно поговорить о другом. Если ей захочется пописать, что она будет делать? Вверх по ступенькам она просто не поднимется... Куда она ходила раньше?

– В сад.

– Значит, у вас есть отдельный туалет снаружи! Это неплохо.

– Вообще-то туалета там нет. Она мочилась за кустами смородины.

Тут уже медсестра была поражена. Карен объяснила: она с самого начала не понимала, где же справляет нужду ее свекровь, а потом, увидев ее на корточках в саду, пришла в ужас. Даже пыталась поговорить со Славекком, но он не хотел обсуждать с мамой такую тему.

– В любом случае, – сказала сестра, – так продолжаться не может. Ей будет нужен ночной горшок. У вас есть? – Карен покачала головой. – Ладно, принесу из запасов службы здравоохранения.

С этими словами медсестра быстро собрала свою сумку. Она была доброй, внимательной женщиной и, заметив страдальческое выражение лица Карен, постаралась ее успокоить.

– Не волнуйтесь, дорогая, первые несколько дней всегда самые сложные, но я буду забегать к вам каждый день. Вы скоро привыкнете.

Карен поднялась к себе в спальню, бросилась на кровать и зарыдала так горько, как никогда прежде.

Дни сливались в недели, но Карен так и не привыкла. Она не смогла заставить себя даже прикоснуться к колостоме – это делал Славек, и ему это не было ни трудно, ни противно. В юности он ухаживал за животными на ферме, присутствовал при рождении их детенышей, доил скотину, вскрывал нарывы, накладывал припарки, и колостома для него была вещью из того же разряда. Кроме того, он просто жалел Карен. Патронажная сестра была верна своему слову и приходила два, а то и три раза в день.

Карен старалась держать детей подальше от миссис Ратцки. После школы они сразу же поднимались в спальню и играли там, а Карен шла к ним. Перестали они играть и в саду: чтоб выйти туда, нужно было пройти через кухню и гостиную, а Карен этого не одобряла.

Так что девочки ходили с ней гулять в парк. Славек был недоволен: он считал, что нехорошо изолировать внучек от бабушки. И в конце концов он завел об этом разговор. Карен ответила:

– Не хочу, чтобы мои девочки видели такое. Они еще слишком маленькие.

– Ты неправа. Дети должны видеть все в жизни. Старость, болезни, рождение, смерть – вообще все.

– Они расстраиваются.

– Только потому, что ты говоришь им не расстраиваться. Ведь так ты сама внушаешь им, что тут есть повод огорчаться. Если бы ты ничего не говорила, они бы приняли все как есть. У детей всегда так.

Карен сменила тактику.

– Ладно, но они даже не могут разговаривать с ней!

– Так позволь им выучить несколько слов по-латышски.

Но Карен не хотела ничего слышать. И Славек с грустью наблюдал, как она осторожно повела девочек вдоль противоположной стены гостиной, как можно дальше от его матери, и сразу поднялась с ними наверх, в спальню.

Однажды Карен сказала, что будет просить медсестру принести ширму.

– Зачем?

– Поставить у ее кровати. Тогда мне не придется смотреть, как она пользуется горшком. Думаю, и девочкам не стоит этого видеть.

Славек вздохнул.

– Ты хоть понимаешь, что, когда ты их так защищаешь, от этого больше вреда, чем пользы?

Вернувшись после работы домой, он обнаружил маму за загородкой из ширм. Теперь она была полностью отрезана от окружающей жизни. Девочки, как и положено любопытным детям, иногда тихонько заглядывали за ширмы и смотрели на бабушку, как на животное в клетке. Потом хихикали и убегали.

Славек видел, что Карен все сильнее раздражается, и даже пробовал советоваться по этому поводу с медсестрой. Он ощущал вину – и растерянность от этого чувства вины. Хотя заботы о колостоме лежали на Славеке и медсестре, у Карен тоже прибавилось хлопот: бесконечная стирка, смена постельного белья, вынос ночного горшка, приготовление еды. Славек был человеком вполне деловым и смотрел на мир с практической точки зрения. Но одного он не видел и не понимал: главная обида Карен заключалась в том, что дом больше не принадлежал ей. Сам Славек вырос в большой семье, и все они жили, спали, готовили, ели в одной и той же большой комнате. В этой комнате рождались дети, в ней же ухаживали за больными, и Славек помнил, как давным-давно в этой комнате умирал его дед – отец его матери. И вот теперь его собственная мать умирает в *его* комнате, но только она отрезана от своей семьи. Отсюда и чувство вины, которое, казалось, накатывало на него со всех сторон: Карен, мама, девочки. Он подвел их всех. Но как это произошло? Что он сделал не так? Сестра сочувственно вздохнула, но помочь не могла.

А что же миссис Ратцки? Вот ее было жальче всех. За три месяца энергичная, решительная женщина превратилась в беспомощного инвалида. Славек заметил, что ее ум и характер тоже изменились. Раньше она была мудрой и сильной, ее мнение было законом для родственников, а теперь место прежней главы семьи заняла ворчливая, вечно причитающая старуха, которую он не узнавал.

С каждым днем миссис Ратцки все больше замыкалась в себе. Казалось, ее мысли были полностью сосредоточены на колостоме. Она могла часами что-то бормотать себе под нос, ковыряя мешок для колостомы. Женщина, которая была опорой своей семьи десятки лет, которая пережила войну и концлагерь, лишения и оккупацию, которой хватило сил добраться пеш-

ком до Англии, которая выжила в больнице после всех перенесенных операций, теперь была полностью сосредоточена на одном – на своей колостоме.

Не было никаких сомнений, что разум покидает ее. Она перестала понимать, где и почему она находится. Может быть, это было следствием опасной болезни, наркоза, лекарств. Может быть, сыграла роль и культурная изоляция: ведь язык, на котором говорили все вокруг, был ей совсем непонятен. А возможно – и даже скорее всего, – происходило неизбежное: клетки ее мозга день ото дня, неделю за неделей старели вместе со всеми остальными клетками тела и умирали, как все живое и должно умирать.

Хочется верить, что она потихоньку сходила с ума, потому что это было бы милосердным избавлением от одиночества. Она потеряла все, что было ей родным: свой дом, дочь Ольгу и внуков, друзей, свою страну и ритм жизни, свой язык и даже свою церковь. Здесь все что-то делали с ней, а она этого не понимала. Никто, кроме Славека, не любил ее здесь, и она тоже никого не любила. Так что было бы даже хорошо, если бы старческое слабоумие затемнило ее сознание и даровало забвение. Ясное сознание и память об утраках были бы куда тяжелее.

Год подходил к концу, и однажды, пока медсестра за ширмами помогала миссис Ратцки с колостомой, между Славеком и Карен вспыхнула ссора.

– Я решила отвезти девочек к маме на Рождество, – вдруг заявила Карен.

– Почему? – осторожно спросил Слаvek, хотя уже знал ответ.

– Я не могу позволить детям встретить Рождество здесь, когда в этой комнате твоя мама. Как я могу тут поставить рождественскую елку и повесить гирлянды? У нас не может быть подарков под елкой и веселого рождественского ужина, я не могу пригласить никого в гости. Нет, в этом году мы поедem к маме. Я уже сказала девочкам, и они ждут с нетерпением. Можешь поехать с нами, если хочешь.

– Твои родители меня недолюбливают. Вряд ли их обрадует мой приезд на Рождество.

– Как хочешь. Мама сказала, что если ты захочешь тоже приехать, то приезжай.

– Но не могу же я бросить маму здесь одну?

– Это меня не касается. Я делаю то, что считаю лучшим для девочек. И хочу, чтобы в Рождество у них был праздник.

Слаvek рассердился.

– И это ты называешь праздником? Увезти детей от родного отца? Это не забота, это чистый эгоизм!

– Да как ты смеешь называть меня эгоисткой! Я хочу...

Однако он перебил ее прежде, чем она успела закончить фразу.

– Я помню, как умер мой дедушка. У нас дома. Я был мальчишкой, мы готовились к Рождеству, в доме была вся семья. Мы были детьми и просто приняли это как должное. Мы там вместе играли, и это было действительно хорошее, доброе Рождество.

– Даже не напоминай мне, как тебя воспитывали! Крестьяне, вот кем вы были. Понятно, почему ты не нравишься моей матери! И вот что я тебе скажу – я-то, слава богу, не крестьянка. Меня правильно воспитали, и я позабочусь о том, чтобы мои девочки были воспитаны не хуже.

– Я не знаю, что такое «правильное воспитание», если оно требует отказать девочкам в общении с бабушкой. А она вообще-то их бабушка. И это не только твои девочки. Они и мои девочки тоже.

– И что, она похожа на настоящую бабушку? Она делает для них что-нибудь? Играет с ними? Гуляет? Да она целыми днями сидит, бормочет что-то себе под нос и ковыряется в этой своей штучке. Сколько можно стирать, а потом пытаться высушить белье в такую погоду. А запах! Я больше не могу его выносить. Сколько бы я ни стирала, у нас воняет. Даже медсестра говорит, что если бы твоя мать не продолжала ковырять свой мешок с дерьмом, то он

не протекал бы и кровать не пачкалась. Но она же продолжает! Она все ковыряет и тербит эту мерзость, и я этого не вынесу, говорю тебе, не вынесу!

Доведя себя до истерики, Карен зарыдала. Славек обнял ее, и она немного успокоилась.

– Почему она не умирает, Слав? Почему она не может просто умереть? Она же так этого хотела! Она же за этим сюда ехала!

– Я тоже много об этом думал. Она чуть не умерла в то утро в августе. Но мы вызвали врачей, и теперь она жива и вроде не умирает.

– Если бы я только не пошла звонить врачам...

– Ты сделала то, что считала правильным. Я-то поступил хуже. Я подписал согласие на операцию.

– Но зачем, зачем?

– На самом деле не было времени подумать. Кажется, иначе нельзя. Никто ничего не говорил, но от меня этого явно ждали, и я подписал.

Он мрачно задумался. Оба молчали. Карен видела, как он расстроен, и пожалела, что вспылила. Она сжала его руку и увидела, как у него, несмотря на всю его мужественность, проступают слезы, которые он раньше скрывал.

– Если бы я знал, что произойдет, – продолжал он, – я бы никогда не позволил им. Но я не знал. Откуда мне было знать?

– Как ты думаешь: если бы ты отказался дать согласие на операцию, это бы что-то изменило?

Он немного подумал, вытер глаза и высморкался.

– Вряд ли. Наверное, они бы все равно сделали операцию.

– Тогда ты не должен винить себя.

– Знаю. Но я все время, все время чувствую себя виноватым. Виноватым за то, что превратил ее жизнь в ад, за то, что я превратил твою жизнь в ад.

– Это очень плохо с моей стороны жалеть, что она не умерла еще тогда, в августе?

– Не думаю. Смерть естественна, рано или поздно она приходит ко всем нам.

– Она может вернуться домой, в Латвию?

– Как ты это представляешь себе? Как мы доставим ее туда?

– Значит, ей придется переехать в дом престарелых или что-то в этом роде.

– Вот и я начинаю так думать. Я этого не хотел, но не вижу другого выхода.

Славек и Карен обсудили это с патронажной сестрой, и та навела справки. В округе было два дома престарелых, управляемых местным советом. Но оба были переполнены, можно было только внести миссис Ратцки в список очередников – Славика и Карен предупредили, что, возможно, пройдет год или два, прежде чем место освободится. Они попытались выяснить, нельзя ли ее поместить в частный интернат, но им объяснили, что присутствие миссис Ратцки не понравится остальным жильцам.

Наступило Рождество. Как только начались школьные каникулы, Карен отвезла девочек к своей матери, а Славек остался один на один со своей. Он честно ухаживал за ней, да и патронажная сестра заходила к ним, как и прежде. Но потом Карен сообщила, что она решила остаться у своих родных вместе с девочками.

Славек был буквально раздавлен. Ему было одиноко, и больше всего он скучал по детям. В сочельник он напился и проспал двое суток, а у его кровати стояла пара бутылок водки.

Его разбудил настойчивый стук в парадную дверь. Он спустился по лестнице – небритый, нечесанный, закутанный в одеяло. На пороге стояла патронажная сестра.

– Что случилось? Я пыталась попасть к вам сегодня утром. Видела, что ваш велосипед здесь, но вы не отвечали, а я стучала и стучала.

– Который час? – произнес он, еле ворочая языком.

– Сейчас уже четыре часа дня. Я уже несколько дней не видела вашу маму. Она уезжала с вами?

– Нет. Она все время была здесь.

– Ну что ж, я должна осмотреть ее сейчас.

И они отправились в гостиную.

– Боже, здесь ужасно холодно. Вы что, не топили в гостиной? И этот запах... За ней вообще кто-то ухаживал в эти дни? Где ваша жена?

– Моя жена уехала к своей матери и больше не вернется.

– Не вернется? Так не пойдет! Мне придется доложить об этом своей начальнице. Вашу маму нельзя оставлять одну на весь день, пока вы на работе. Но я уверена, что кое-что можно устроить: доставку питания, помощь по дому. Мы вполне можем оказать вам поддержку.

– Я не хочу вашей чертовой поддержки! Я хочу, чтобы здесь была моя жена с дочками. А они не вернутся, я же сказал, они не вернутся!

– Не надо кричать, молодой человек. Я прекрасно вас слышу. Не грубите мне!

– Ее нужно отправить в дом престарелых.

– Вы хорошо знаете, что это не так просто. Местный дом престарелых переполнен, и ваша мама в списке ожидания. Вы пробовали связаться с частными домами?

– Никто не берет ее. Все говорят, что от нее будет слишком много хлопот, а ее вид расстроит других постояльцев.

– Ясно. Ну тогда я организую для нее максимум домашней поддержки. А теперь надо промыть ее колостому. Она в ужасном состоянии, все покрыто калом. Когда вы в последний раз ее обрабатывали?

– Не помню. Возможно, несколько дней назад...

Медсестра пробормотала что-то неодобрительное и приступила к работе.

– Так, но если вашей жены нет, то что же миссис Ратцки ела в последнее время?

– Даже не знаю – наверное, кашу? Она любит овсянку...

– Этого недостаточно. Мы не можем позволить ей жить на овсянке. Срочно организуем доставку питания прямо с завтрашнего дня. И я советую вам разжечь огонь в камине, молодой человек. Здесь очень холодно.

Недовольно хмыкнув, медсестра удалилась.

Разводить огонь в тот вечер он не стал. Он пошел в паб и напился до бесчувствия.

Пустые дни тянулись один за другим. Славек был совершенно одинок. Ненависть и раздражение нарастали в нем, и он едва мог заставить себя подойти к матери – глупой, бесполезной старухе. Почему она не умерла, когда сказала, что умрет, почему он должен торчать сейчас с ней, с жалким старым мешком костей, лишенным разума? Почему она не может просто умереть? Каждый день, возвращаясь домой с работы, он тщетно надеялся найти ее мертвой – но она была жива. Она всегда была здесь, в уютной гостиной Карен, где дети должны были бы играть у камина, печь лепешки на горячих углях и слушать сказки перед сном. Каждый вечер он шел в паб и пил до самого закрытия.

Людей в положении Славек – в одночасье потерявших жену и детей, убитых горем, одиноких, озлобленных, пьющих все больше и больше – может быстро затянуть в воронку, из которой потом уже не выбраться. Он перестал следить за собой, постоянно опаздывал на работу из-за похмелья, на него нельзя было полагаться. Сперва начальство ограничивалось предупреждениями, на которые он обращал мало внимания, а затем и вовсе стал пропускать мимо ушей. И Славек уволили. Ему было слишком стыдно признаться Карен, что его выгнали с работы, поэтому он половину своего пособия по безработице отослал ей, а остальное пропил.

Семейным бюджетом всегда занималась Карен: Славек никогда не был в этом силен и вообще плохо ладил с финансами. Может быть, он считал, что делает достаточно, посылая ей

деньги каждую неделю, а может быть, его мозг, одурманенный алкоголем, не понимал, к чему приведет отсутствие денежных поступлений на его банковский счет.

В марте он получил из банка письмо о том, что на его счету недостаточно денег для оплаты ежемесячного взноса в строительное общество. Славек не обратил на него внимания. В апреле принесли такое же письмо, но он даже не открыл его. Потом письма приходили раз в месяц и так же игнорировались.

Карен ничего об этом не знала. Если бы знала, она бы приняла какие-то меры. Но к августу Славек задолжал по закладной за полгода, и сумма долга была так велика, что исправить ситуацию было уже невозможно.

В сентябре был наложен арест на имущество Славека. Это означало, что его дом должен быть изъят и продан, чтобы вернуть ссуду, выданную обществом. Славек толком даже не понимал, что произошло, пока не прибыли судебные приставы и не приказали ему и матери покинуть помещение. Как раз тогда приехала и патронажная медсестра, которая объяснила приставам, что несчастную старушку нельзя просто так выбросить на улицу, и выторговала неделю времени.

Карен узнала о финансовой катастрофе их семьи только из постановления суда. В полной растерянности она бросилась к Славеку.

– Как это случилось? Это же не могло произойти внезапно! Должны были прийти письма с предупреждениями, где же они?

Славек порылся в куче нераспечатанных писем и протянул ей пару конвертов.

– Ты идиот!?! – закричала Карен. – Почему ты ничего мне не сказал? Как можно было не обращать внимания на эти письма? Посмотри, что произошло! Мы останемся без дома! Они заберут наш дом и продадут его! Мы теперь бездомные!

Вот тут Славек понял, что случилось. Но было уже поздно. Оба они ничего не могли поделать. Карен вернулась к своей матери и осталась там. Славек переехал в мужское общежитие и продолжил спиваться, теперь уже окончательно.

Как только медсестра сообщила о принудительном выселении местным властям, они взяли на себя ответственность за миссис Ратцки. Ее отвезли в дом кратковременного пребывания для престарелых, но новая обстановка повергла ее в такой ужас, что с ней невозможно было справиться – пришлось выселить. Эта история повторялась несколько раз. Ей казалось, что ее хотят отравить, и она отказывалась есть и пить. Изо всех своих оставшихся сил она дралась с персоналом и другими обитателями дома, так что ее приходилось утихомиривать силой.

В конце концов миссис Ратцки попала в психогериатрическую палату, где ее можно было держать под присмотром медсестер и практически все время под успокоительными. Здесь все ее страхи, подозрения и агрессия исчезли, и она стала тихой и послушной. Она больше не сопротивлялась медсестрам, покорно глотала транквилизаторы и все остальные лекарства. Время от времени у нее появлялась инфекция легких или почек, и она послушно глотала антибиотики. Она прожила так три года, не понимая, где находится и как сюда попала, – может быть, даже не понимая уже, кто она такая. Она не могла ни с кем говорить и не понимала ни слова из того, что ей говорили. К ней никто не приходил. Больничный капеллан нашел и пригласил священника-латыша, но она посмотрела на него непонимающим взглядом и ничего не сказала. Даже на далекой планете, населенной инопланетянами, она вряд ли была бы в таком полном и ужасном одиночестве.

Все кончилось в 1957 году, когда она упала с кровати и сломала кости таза. Ее нельзя было обездвижить, и поэтому кость практически не срасталась. Была сделана операция, чтобы зафиксировать кость с помощью спицы, но рана не зажила. Развилась стафилококковая инфекция, устойчивая к антибиотикам. Начался сепсис. От него и умерла миссис Ратцки – совсем одна, в белоснежной палате английской больницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.